

5.5. Аспазия «Дети Сиона»: о первой публикации стихотворения латышской поэтессы в петербургском журнале «Север» Людмила Спроге

В статье рассматривается первая публикация переведенного Исааком Петровичем Мордвиновым (1871–1925) на русский язык стихотворения Аспазии “*Cīānas bērni*” («Дети Сиона», 1899) в петербургском журнале «Север» (№ 27, 1908). Факт опубликованного стихотворения привлек внимание Райниса как к журналу, так и к личности неизвестного переводчика. Мордвинов перевел текст Аспазии своеобразно.

Русские переводы стихотворений Аспазии стали появляться в конце первой декады XX-го века. Перевод, осуществленный И. П. Мордвиновым, был опубликован в популярном периодическом издании «Север»¹⁵⁴.

В настоящем сборнике статья Т. С. Царьковой о переводах стихов Аспазии завершается ссылкой на предположительно первую публикацию русской версии раннего стихотворения поэтессы «Дети Сиона» (“*Cīānas bērni*”, 1899). Поскольку этот перевод является «первой ласточкой» и потому заслуживает особого внимания, то задачей настоящего исследования стали тематические вопросы, заключенные в рубрику «вокруг перевода». Среди переводчиков на русский язык произведений Аспазии, как правило, называют Вяч. Иванова, Влад. Ходасевича, В. Спасского, С. Шервинского, Н. Ашукина, В. Бабина, К. Липскерова, Л. Остроумова, В. Третьякова, В. Юревича, М. Борисову, Н. Слепакову, Л. Романенко, Н. Полякову, О. Николаеву, И. Латышеву. Вместе с тем имя первого переводчика Аспазии – Исаакий Петрович Мордвинов.

Рассматриваемое стихотворение Аспазии впервые было опубликовано в шестом номере за 1899-ый г. в периодическом издании “*Mājas*

¹⁵⁴ Из современных исследований по иллюстрированному еженедельнику «Север» см.: С. Васильева. Журнал «Север» под руководством Вс. С. Соловьева //Новое литературное обозрение (НЛО). Кн. 87, М., 2007, № 5. С. 479–486.

Viesa Mēnešraksts”, откуда, вероятно, и было взято переводчиком Мордвиновым в бытность его жизни и службы школьным учителем в Прибалтийском kraе. Известно об его активной общественной и политической деятельности, но не только: И. Мордвинов выступал в печати как литератор, работал, как сам указывал в биографических сведениях, и в Прибалтийских газетах (Царькова 2012, 148, 152–153). Как поэт и прозаик Мордвинов не мог не отразить в своем творчестве лифляндской и – шире – балтийской тематики¹⁵⁵. Будучи жителем Лифляндии и зная языки, И. П. Мордвинов, естественно, проявил живой литературный интерес к творчеству латышских поэтов, своих современников, о чем свидетельствуют его письма в редакцию журнала «Вестник Европы» (август 1907 года) и к известному историку и библиографу русской литературы профессору С. А. Венгерову (4 июня 1913 года), также подвергшемуся в конце 1890-х – начале 1900-х гг. политическому прессингу.¹⁵⁶ В списке переводов с латышского языка Мордвинов указал следующих поэтов: Аспазию¹⁵⁷, Райниса, Вейденбаума, Я. Акуратера, Эд. Треймана, К. Скалбе; переводы были осуществлены до августа 1907 года, вероятно, с повременных изданий. Авторы стихотворений вряд ли были поставлены в известность о том, что их произведения подготовлены Мордвиновым для публикации в русском журнале.

В 1912 году Аспазия узнала из письма Яниса Райниса к ней о том, что ее стихи перевел «некто Мордвинов и опубликовал их в журнале «Север»» (Rainis 1985, 137–138).¹⁵⁸ Между датой публикации и датой письма прошло пять лет.

Первый перевод поэтического текста Аспазии появился в 1908-м году в 27-ом выпуске петербургского журнала, с которым И. П. Мордвинов сотрудничал в течение ряда лет. Еженедельный

¹⁵⁵ Мордвинов издал в Ревеле (1900 г.) свой первый сборник стихотворений, куда была включена романтическая баллада «Замок Эрмес» (Ērģeme), где исторический фон времён Ливонской войны и распада княжеств был передан как отголосок старинного предания о «говорящих руинах» и навеваемых ими раздумий; также в серии изданий Александро-Невского общества трезвости он выпустил несколько десятков рассказов, среди которых есть и «лифляндская история» – «Как корчмарь умер. (Святочная быль)» (1907).

¹⁵⁶ Подробнее оба письма рассматриваются в статье Т. С. Царьковой в наст. сборнике.

¹⁵⁷ В предлагаемом списке перевода текста «Дети Сиона» не было.

¹⁵⁸ В этом письме была ссылка на газету “Dzīve”, где в номере от 20 сентября 1912 г. сообщалось, что русский поэт Мордвинов, до 1905 г. учителяствовавший в Валке, потом эмигрировавший, опубликовал свои переводы стихотворений Райниса и Аспазии в текущем году в журнале «Север». В комментариях к 22-му тому Собрания сочинений Яниса Райниса в 30-ти томах этот эпизод особо не оговаривался, но дело в том, что в 1912 г. в журнале «Север» переводы стихов Райниса и Аспазии опубликованы не были.

литературно-художественный журнал «Север», руководимый в то время редактором-издателем Николаем Федоровичем Мертцем (1856–1938), к моменту публикации стихотворения Аспазии издавался уже двадцать один год и был популярен среди читателей-подписчиков, благодаря книжным приложениям, издаваемым в серии «Библиотека «Севера»», о чем свидетельствует количество выпусков журнала: если в 1908 г. было 34 номера, то в следующем году вышло уже 52. И. Мордвинов был часто публикуемым автором, в основном он предлагал в журнал свои поэтические переводы и не только с латышского. На страницах «Севера» были опубликованы его переводы Райниса, Вейденбаума, Треймана и Скалбе.

Журнальная страница с двойной пагинацией 427/428 открывает заголовок: «Стихотворение И. Мордвинова. (Из Аспазии*)»¹⁵⁹ Маркированная «звёздочкой» ссылка на «псевдоним латышской поэтессы Эльзы Плекшан», идущая после стихотворного текста, здесь выполняла и другую, разъяснительную функцию – о какой Аспазии идет речь: в журнале была богато представлена иллюстративная серия и в предшествующих номерах среди галереи портретов был помещён фотоснимок с картины немецкого живописца Натаниэля Зихеля (1843–1907) «Аспазия», где афинская гетера была изображена во всем блеске величия и чувственной красоты.

Перевод Мордвинова располагался на журнальной странице двумя параллельными столбиками, в каждом по две строфы с графически выделенным, как и у Аспазии, рефреном: «Мы – бедные дети Сиона». И в оригинале и в переводе строфы содержали шесть стихов; строфа завершалась рефреном, разграничивавшим каждую последующую строфи от предыдущей. Опубликованный в «Севере» текст выглядел так:

<i>Разрушен, затоптан</i>	<i>Я радостно пела</i>
<i>Наши сад благовонный...</i>	<i>Любимые песни...</i>
<i>Иzmяты, поблекли</i>	<i>Слова оборвались</i>
<i>Пунцовье розы</i>	<i>И катятся слезы.</i>
<i>И синие очи</i>	<i>На светлое счастье</i>
<i>Надежд и мечтаний...</i>	<i>Пал занавес черный...</i>
<i>Мы – бедные дети Сиона.</i>	<i>Мы – бедные дети Сиона.</i>

¹⁵⁹ Примечательно, что в печатной версии название стихотворения отсутствует.

Погиб виноградник
Цветущий, зеленый...
И сочные гроздья
В безвременье пали
От лозы могучей
На грязную землю...
Мы – бедные дети Сиона.

И рек Вавилона
Зловещие воды
Текут и рокочут,
Текут непрерывно,
Сегодня, как завтра,
Всегда бесконечно...
Мы – бедные дети Сиона...
(Мордвинов 1908, 427–428)

«Смешанный» размер стихов нерегулярной метрики¹⁶⁰, определяемой как вольный дольник, – весьма популярный у латышских поэтов конца XIX – начала XX вв., – Мордвинов переводит классическим размером, – чередуя двустопный амфибрахий¹⁶¹ в строфах с трехстопным в рефрене; также как и в тексте оригинала строфа состоит из нерифмованных стихов, но переводчик пользуется приемом ассонансного бла-гозвучия клаузул, где последовательно от первой строфы к четвертой акцентируются гласные *О-И-Е-У-Ю-Ё-А-О*. И вместе с тем лексический уровень переведенного текста отличается от оригинала: заменяются отдельные «опорные» образы, так в первой строфе у Аспазии нет «благовонного сада», «синих очей надежд и мечтаний», – это – практически независимые от оригинала «дополнения» переводчика. Ср.:

<i>Izpostīts, samīdīts</i>	<i>Разрушен, затоптан</i>
<i>Mums mūsu puķu dārzs!</i>	<i>Наши сад благовонный...</i>
<i>Zemē guļ vītušas</i>	<i>Измяты, поблекли</i>
<i>Nākotnes sapņu</i>	<i>Пунцовевые розы</i>
<i>Sārt-sārtās rozītes,</i>	<i>И синие очи</i>
<i>Zil-pulkstenītes;</i>	<i>Надежд и мечтаний.</i>
<i>Mēs nabaga Ciānas bērni!</i>	<i>Мы – бедные дети Сиона.</i>
<i>(Aspazija 1985, 85)</i>	<i>(Мордвинов 1908, 427)</i>

Последовательность образов/мотивов оригинала и перевода выглядит так (с коррекцией на буквальный перевод):

puķu dārzs	сад благовонный (цветник)
sārt-sārtās rozītes	пунцовыe розы (алые-алые розочки)
zil-pulkstenītes	синие очи (синие колокольчики)
vīna kalns	виноградник

¹⁶⁰ Характерно, что Райнис обратил внимание на ритмико-метрическую особенность стихотворения: в письме к Аспазии от 26 апреля 1899 года он замечает: *Ритм у тебя не очень хороши, но язык красочен* (цитируется по изданию Aspazija 1985, 561).

¹⁶¹ Двухстопный амфибрахий в русской поэзии достаточно редкий размер, как свидетельствует частотная таблица размеров, предложенная М. Л. Гаспаровым. (Гаспаров 1974, 47)

zeltsulotie augļi	сочные гроздья (золотисто-сочные фрукты)
bez laika norauti	в безвременье пали (преждевременно сорванные)
dvēseles dziesma	любимые песни (песнь души)
pārtrūka vārdi	слова оборвались
asaras lija	катятся слёзы
melns šķidrauts sedza	пал занавес черный (покрытый черной вуалью)
Bābeles ūdeņi	реки Вавилона (воды Вавилона)
Tā šodien, tā rītu	сегодня, как завтра
bez gala	всегда бесконечно (без конца)

Эти ряды образуют ассоциативную сферу, тематически указывающую на нарратив предания об Иудее – опустошении Сиона, разрушении Храма, Соломонова Дворца и повержении в рабство древних иудеев в столице Вавилона. Стихотворение Аспазии в жанровом формате построено как переход от Песни (ср.: *Es dziedāju dziesmu – /Savas dvēseles dziesmu*) к Плачу с причитанием: “*Mēs nabaga Ciānas bērni!*”

Мордвинов, чередуя стихи двухстопного и трехстопного амфибрахия, попадает под влияние метрико-семантической традиции, как и другие русские поэты и переводчики, в чьих текстах также пересекаются несколько смысловых линий, что уже отмечалось в стиховедении. (Гаспаров 2012, 165–210)

Такой метрический рисунок способствует торжественной интонации и, как правило, корреспондирует с жанрами баллады и песни. Балладные компоненты характерны и для мордвиновского перевода – это, во-первых, рассказ о драматических событиях, начинающийся в каждой строфе с констатации роковых потерь (ср.: «Разрушен, затоптан / Наш сад благо-вонный» или «Погиб виноградник / Цветущий, зеленый... / И сочные гроздья / В безвременье пали <...> / На грязную землю»), – во-вторых, – это «лирический пересказ» архаичного сюжета, где «Я» воплощается в персонаж, переживший трагедию, и констатирующий бесцельность бесцветного сегодняшнего бытия: «И рек Вавилона / Зловещие воды / Текут и рокочут, / Текут непрерывно, / Сегодня, как завтра, / Всегда бесконечно...»

Балладный нарратив переходит в песню, формальным знаком которой является повторяемый рефрен: «Мы – бедные дети Сиона». В кульминации текста Аспазии/Мордвинова это рассказ в песне о своем пении:

Я радостно пела
Любимые песни...
Слова оборвались
И катятся слезы.

*На светлое счастье
Пал занавес черный...
(Мордвинов 1908, 427–428)*

Вместе с тем переводчик весьма вольно обошелся с интонационным уровнем текста. Он проигнорировал знаки препинания оригинала: у Аспазии рефрен всюду дан с восклицанием, в переводе же на месте восклицательного знака – точка; в первой строфе после выразительных предикатов – восклицание, у Мордвинова – многоточие, переходящее из строфы в строфу, и завершающее текст, хотя в оригинале оно отсутствует.

Думается, что это стихотворение латышской поэтессы привлекло переводчика своей темой горестной судьбы гонимого народа. В указанном выше сборнике его стихотворений мотивы народного страдания, мрачных воспоминаний и сочувствия к страдальцам достаточно распространены. Не исключено, что «Дети Сиона» были восприняты им иносказательно,¹⁶² аллегория проецировалась на политические события современности и личный опыт ссылки и тюремы.

Перевод стихотворения «Дети Сиона», осуществленный И. П. Мордвиновым, представляется важным явлением в диапозоне латышско-русских литературных связей не только потому, что это был первый опубликованный перевод из лирического наследия Аспазии, но и потому что, насколько нам известно, он до сих пор является единственной переводной версией этого проигнорированного другими переводчиками текста.

---

¹⁶² Так воспринял стихотворение Райнис, писавший к Аспазии: «Может быть: Бедные дети Сиона: мы! Или: «Мы, отверженные богом дети». (цитируется по изданию Aspazija 1985, 561)